УДК 81'23 + 81'25

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-65-76

Стилистическое функционирование юридической лексики во втором томе романа М. Пруста «В поисках утраченного времени»

Е. С. Савина

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Настоящая статья посвящена изучению особенностей стилистического функционирования юридической лексики во втором томе романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» (“À la recherche du temps perdu”) «Под сенью девушек в цвету» (“À l’ombre des jeunes filles en fleurs”). Интерес к данной проблеме в настоящий момент заключается в том, что, хотя тексты М. Пруста и исследовались с разных точек зрения, насколько нам известно, не существует работ, в которых бы анализировалось использование автором стилистических фигур, созданных на основе юридических терминов. Мы рассматриваем употребление М. Прустом подобных фигур в конце первой и в начале второй части второго тома романа. Наша цель заключается в выявлении, систематизации и лингвистическом анализе данных фигур. Мы используем методы семантического, стилистического и контекстуального анализа. Описанные нами юридические термины мы проверили по словарям, одноязычным и двуязычным, как общим, так и специальным, а их функционирование в современном французском языке – по Интернету. Также в тех случаях, когда это было возможно, мы установили, с какими стилистическими фигурами, относящимися к другим сферам человеческой жизни, соотносятся сравнения и метафоры, созданные на основе юридической терминологии. Наш анализ показал, что М. Пруст использует как общую юридическую лексику (“article secret des lois”, “compétence et juridiction”, “coutumier”, “police particulière”), так и лексику, относящуюся к отдельным отраслям права, а именно конституционному (“Chambre”), уголовному (“geôlier”, “prison”, “voleur”), международному (“Chef d’État”, “exterritorialité”) и финансовому (“livre de comptes”, “avance”, “solde créditeur”, “débit”), для того, чтобы, с одной стороны, показать морально-правовую «экстерриториальность» мира аристократов во Франции, живущих уже по законам Республики с ее лозунгами равенства и братства, с другой – раскрыть тему разрыва между социальными и личными взаимоотношениями в реальности и представлениями о них. Данные фигуры сочетаются в тексте М. Пруста со сравнениями и метафорами из других областей, в частности из области искусства, военной и медицинской сферы, а также отсылают к некоторым другим литературным текстам, а именно к басне Лафонтена. Благодаря подобной комплексности языка и стиля автор выявляет эстетический потенциал французской юридической терминологии и создает особый художественный мир.

Ключевые слова

метафоры, образные сравнения, стилистические фигуры, юридическая лексика, юридическая терминология, юридические термины, язык и стиль М. Пруста

Благодарности

Автор выражает признательность Елене Эмильевне Разлоговой за помощь при проведении настоящего исследования. От всего сердца хотелось бы поблагодарить Татьяну Ильиничну Тарасову и Ирину Николаевну Кузнецову за ценные советы и доброжелательное отношение. Также я благодарна своим родителям и коллегам за моральную поддержку.

Для цитирования

Савина Е. С. Стилистическое функционирование юридической лексики во втором томе романа М. Пруста «В поисках утраченного времени» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 65–76. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-65-76

Stylistic Functioning of Legal Vocabulary in the Second Volume of Marcel Proust's Novel "In Search of Lost Time"

Elena S. Savina

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The present article deals with the stylistic functioning of legal vocabulary in the second volume of Marcel Proust's novel "In Search of Lost Time" ("À la recherche du temps perdu") "In the Shadow of Young Girls in Flower" ("À l'ombre des jeunes filles en fleurs"). The current interest in the problem lies in the fact that, as far as we know, though Marcel Proust's texts have been studied from different viewpoints, no research has been done on the author's use of stylistic figures based on legal vocabulary. It would be reasonable to examine in detail how Marcel Proust resorts to the legal vocabulary from the point of view of stylistics at the end of the first and at the beginning of the second part of the second volume of his novel. What we are aiming at is revealing, classification, and stylistic analysis of such figures. We use the methods of semantic, linguistic and contextual analyses. We have verified the meaning of the legal terms under study in monolingual and bilingual dictionaries, in the general vocabulary Thesaurus as well as in the dictionaries of legal terms; we have consulted the Internet to check their usage in contemporary French. We have also found out, wherever it was possible, what other stylistic figures those based on legal vocabulary correlate to. Our analysis shows that Marcel Proust employs general legal vocabulary ("article de loi", "compétence et juridiction", "coutumier", "police particulière") as well as legal vocabulary from different branches of Law, namely Constitutional Law ("Chambre"), Criminal Law ("geôlier", "prison", "voleur"), International Law ("chef d'État pendant les toasts officiels", "exterritorialité") and Financial Law ("livre de comptes", "avance", "solde créditeur", "débit") in order to describe different domains of life (such as relations in high society, those among the bourgeoisie as well as relations between friends and those of a teenager in love). "Legal" similes and metaphors can be combined with those from other domains of life, particularly with stylistic figures referring to art (namely, one of La Fontaine's fables), medicine and war. This narrative technique makes the author's text more expressive. More detailed analysis of such figures, as well as the fact of establishing their textual connections within all Marcel Proust's texts, will contribute to revealing the specificity of the author's language and style.

Keywords

similes, metaphors, legal terminology, legal terms, legal vocabulary, Marcel Proust's language and style, stylistic figures

Acknowledgements

The author of the article would like to thank Madam Razlogova Elena for her invaluable help throughout this challenging project. I would like to express my profound gratitude to Madam Kuznetsova Irina and to Madam Tarasova Tatiana for their precious advice and for their friendly attitude. I am also grateful to my parents and colleagues for their inestimable support.

For citation

Savina, Elena S. Stylistic Functioning of Legal Vocabulary in the Second Volume of Marcel Proust's Novel "In Search of Lost Time". *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 65–76. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-65-76

Введение

Творчество М. Пруста изучено с разных точек зрения. Некоторые отдельные вопросы рассмотрены, например, В. П. Трыковым [2008] (отношение писателя к России) и Т. М. Николаевой [2012] (опираясь исключительно на текст, исследовательница показывает, что описываемые в романе события на самом деле происходили не в реальной жизни). В статье В. И. Грешных [2003] рассматривается соотношение *Я* и *Не-Я*, сна и бодрствования, воспоминаний и культуры.

Юридическая лексика также изучается в самых разнообразных аспектах. Так, например, Т. Шокиров [2010] исследовал юридическую терминологию современного таджикского языка, в частности влияние, которое на нее оказали юридические термины советского периода. Н. В. Белоконов [2009] пишет о необходимости овладения юристами юридической терминологией и жалеет о том, что в дисциплинах филологического блока особое внимание уделя-

ется чаще всего исключительно функциональной стилистике. И. В. Тимошенко [2009] высказывает идею о том, что в настоящее время на юридических факультетах изучению юридической терминологии как таковой уделяется недостаточно внимания и предлагает ввести в программу целый блок дисциплин, в рамках которых студенты-юристы будут анализировать ее именно с филологической точки зрения. Говоря о необходимости преподавания юридической лексики на занятиях по английскому языку в языковом вузе, О. А. Безуглова и А. А. Кузнецова подчеркивают тот факт, что «юридическая лексика как терминосистема представляет собой одну из основных составляющих языка для профессиональных целей. Кроме того, юридическая лексика – язык права – отличается от других терминосистем большим разнообразием сфер применения. Она может использоваться как в специализированных текстах различной тематики, так и в художественной литературе» [Безуглова, Кузнецова, 2016]. Изучение специальной, а именно юридической, лексики в «высокой» французской художественной литературе (т. е. не ограничивающейся развлекательно-детективным жанром), на наш взгляд, особенно интересно, так как ее многочисленные следы обнаруживаются уже у Бальзака, в “L’Argent” Э. Золя, в “La folle de Chaillot” Жана Жироду, в “La Belle du Seigneur” А. Коэна и др.

Тот факт, что научная терминология далеко не всегда лишена художественной образности, может быть наглядно доказан следующими размышлениями А. Дюрера (приводится по [Татаринов, 2007. С. 76]): «Эллипс я назову яйцевидной линией, потому что он похож на яйцо. Параболу мы будем называть зажигательной линией, потому что из нее изготовляют зеркало, которое зажигает. А гиперболу я назову вилкообразной линией». Говоря о стилистическом функционировании специальных терминов в рамках художественного произведения, В. А. Татаринов отмечает: «В большинстве работ, относимых к филологическим исследованиям терминологии, терминологическая рефлексия как таковая не обнаруживается. Суть этого направления как раз и заключается в особой установке исследователя заниматься изучением филологических свойств специальной лексики. Три основных вопроса волнуют исследователей: взаимодействие терминологической лексики с общеупотребительной, термин в художественном произведении и публицистической литературе, переход термина в общеупотребительную лексику. В этом направлении выделяются работы Н. В. Юшманова, А. И. Ефимова, Д. С. Лихачева, Л. А. Капанадзе» [Татаринов, 2007. С. 118].

К основным результатам развития в советском языкознании филологического подхода к изучению терминологической лексики он относит следующие. Термин признается, конечно, словом профессиональной речи, но подчеркивается, что он имеет тесное взаимодействие со словами общелитературного языка. Термины, будучи наделены функцией отражения специальных понятий, имеют также культурную ценность, они могут быть органически введены в ткань художественной и общественно-публицистической речи. Термины следует, поэтому, относить к языковому метауровню, который помогает «создавать литературные персонажи и воспроизводить социальные ситуации»¹ [Татаринов, 2007. С. 119].

В контексте данной работы важно отметить мысль Татаринова о том, что взаимодействие термина с общелитературным языком способствует в немалой степени включению в его семантику художественного текста различных видов коннотации – экспрессивно-эмоциональной, национально-культурной и идеологической [Там же. С. 128–129].

Возвращаясь к М. Прусту, напомним, что он в течение некоторого времени изучал право на юридическом факультете Сорбонны и что юридическая терминология представлена в его текстах. Мы ставим перед собой задачу проанализировать стилистическое функционирование юридической лексики в прозе писателя. При этом под юридической лексикой, юридической терминологией и юридическими терминами мы будем понимать, вслед за Ж. Корню,

¹ См., например, статью Grange Cyril “Les alliances de l’aristocratie avec les familles des financiers juifs à Paris, 1840–1940: déterminants socio-démographiques et débat religieux”, *Histoire, économie et société*, 4, 2014, p. 75–93, где браки между иудеями и католиками описываются с точки зрения канонического и гражданского права.

«все слова, которые имеют по крайней мере одно юридическое значение» [Cornu, 2005. P. 53]. Нас будет интересовать использование юридических терминов в составе стилистических фигур, прежде всего сравнений и метафор, которые мы, вслед за Ж. Молинье, французским лингвистом, не будем разделять, считая сравнение лишь первой стадией метафоры [Molinié, 1992. P. 213; 2005. P. 112–113].

Существует уже большое количество работ, посвященных как теории коммуникации в целом [Durand, 1981], так и стилистическим фигурам в частности. Например, в книге М. Фредерик описывается стилистическое функционирование повтора [Frédéric, 1985], который Ж. Молинье считает одним из важнейших стилистических приемов [Molinié, 1992. P. 192–193]. Также в отдельных трудах описывается обращение к различным стилистическим фигурам в кинематографе [Gerstenkorn, 1995]. Поскольку в нашу задачу не входит подробное описание и анализ разных классификаций стилистических фигур, мы ограничимся лишь самым общим представлением о различии между сравнениями и метафорами и рассмотрим их функционирование в романе М. Пруста.

Юридическая лексика в тексте М. Пруста

В нашей статье мы проанализируем стилистические фигуры, созданные на основе юридической лексики, которые автор использует в конце первой и в начале второй части второго тома романа «В поисках утраченного времени» («À la recherche du temps perdu») «Под сенью девушек в цвету» («À l'ombre des jeunes filles en fleurs»). Выявленные юридические термины можно разделить на общую юридическую лексику и лексику, относящуюся к отдельным отраслям права: конституционному, международному, уголовному, финансовому, а также к области уголовного процесса.

Общая юридическая лексика

Un article secret des lois. Повествователь, Марсель, мечтая познакомиться с маркизом де Сен-Лу, разочарован, видя, что тот, со своей стороны, к этому не стремится. Марсель, думая о том, что другие аристократы, такие как маркиз де Норпуа или госпожа де Вильпаризи, тем не менее, свободно общались с ним, представляет, что маркизу де Сен-Лу запрещает поступать так же некая тайная статья свода законов, регулирующих жизнь аристократии:

Quelle déception j'éprouvai les jours suivants quand, chaque fois que je le rencontrai dehors ou dans l'hôtel – le col haut, équilibrant perpétuellement les mouvements de ses membres autour de son monocle fugitif et dansant qui semblait leur centre de gravité – je pus me rendre compte qu'il ne cherchait pas à se rapprocher de nous et vis qu'il ne nous saluait pas quoi qu'il ne pût ignorer que nous étions les amis de sa tante! *Et me rappelant l'amabilité que m'avait témoignée Mme de Villeparisis et avant elle M. de Norpois, je pensais que peut-être ils n'étaient que des nobles pour rire et qu'un article secret des lois qui gouvernent l'aristocratie doit y permettre peut-être aux femmes et à certains diplomates de manquer dans leurs rapports avec les roturiers, et pour une raison qui m'échappait, à la morgue que devait au contraire pratiquer impitoyablement un jeune marquis.* Mon intelligence aurait pu me dire le contraire. <...> [Proust, 1988. P. 297–298]²

В Юридическом словаре Ж. Корню существительное “article” «статья (например, закона, кодекса)» определяется как “division élémentaire et fondamentale des textes législatifs et réglementaires français, comprenant une disposition légale condensée en une ou plusieurs phrases, parfois réparties en plusieurs alinéas, et dont la série reçoit, pour faciliter la citation des textes, un numérotage unique, qui se suit sans interruption à travers d'autres divisions plus générales (livre, titre, chapitre, section, paragraphe), formant le corps entier d'une loi ou d'un code; division semblable dans les décisions des juridictions administratives” [Cornu, 2016. P. 86]. Поскольку

² Здесь и далее курсивом мы будем выделять предложение, в составе которого функционирует юридический термин, а его непосредственный контекст – подчеркиванием. Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

Марсель в данном случае недоумевает, почему дело обстоит именно так, он пытается объяснить для себя пренебрежение правилами вежливости со стороны маркиза де Сен-Лу неким моральным сводом законов, о котором Марселю ничего не известно; он будто бы регулирует жизнь аристократов и в нем четко прописаны нормы, которым должны следовать люди знатного происхождения, а в некоторых его негласных «статьях» предусмотрены возможности отступления от данных норм. Этот мотив неоднократно возникает в суждениях Марселя об аристократии и свидетельствует о его подспудном желании придать юридическое «республиканское» оформление таким сословным установкам, т. е. хотя бы как-то узаконить их.

Compétence et juridiction. Существительное “compétence” («компетенция, полномочия») определяется в Юридическом словаре Ж. Корню как “ensemble des pouvoirs et devoirs attribués et imposés à un agent pour lui permettre de remplir sa fonction” [Cornu, 2016. P. 213], а “juridiction” (в данном случае «юрисдикция, подсудность») – как “mission de juger; pouvoir et devoir de rendre la justice par application du droit (en disant le droit)” [Ibid. P. 588]. В романе М. Пруста данное выражение используется в следующем контексте:

<...> Souriante, heureuse du beau temps, du soleil qui n'incommodait pas encore, ayant l'air d'assurance et de calme du créateur qui a accompli son œuvre et ne se soucie plus du reste, certaine que sa toilette – fussent les passants vulgaires ne pas l'apprécier – était la plus élégante de toutes, elle la portait pour soi-même et pour ses amis, naturellement, sans attention exagérée, mais aussi sans détachement complet, n'empêchant pas les petits nœuds de son corsage et de sa jupe de flotter légèrement devant elle comme des créatures dont elle n'ignorait pas la présence et à qui elle permettait avec indulgence de se livrer à leurs jeux, selon leur rythme propre, pourvu qu'ils suivissent sa marche, et même sur son ombrelle mauve que souvent elle tenait encore fermée quand elle arrivait, elle laissait tomber par moment comme sur un bouquet de violettes de Parme, son regard heureux et si doux que quand il ne s'attachait plus à ses amis mais à un objet inanimé, il avait l'air de sourire encore. Elle réservait ainsi, elle faisait occuper à sa toilette cet intervalle d'élégance dont les hommes à qui Mme Swann parlait le plus en camarade, respectaient l'espace et la nécessité, non sans une certaine déférence de profanes, un aveu de leur propre ignorance, et sur lequel ils reconnaissaient à leur amie, comme à un malade sur les soins spéciaux qu'il doit prendre, ou comme à une mère sur l'éducation de ses enfants, *compétence et juridiction*. Non moins que par la cour qui l'entourait et ne semblait pas voir les passants, Mme Swann, à cause de l'heure tardive de son apparition, évoquait cet appartement où elle avait passé une matinée si longue et où il faudrait qu'elle rentrât bientôt déjeuner; elle semblait en indiquer la proximité par la tranquillité flâneuse de sa promenade, pareille à celle qu'on fait à petits pas dans son jardin; de cet appartement on aurait dit qu'elle portait encore autour d'elle l'ombre intérieure et fraîche <...> (p. 205–206).

В данном контексте описываются прогулки госпожи Сван по авеню дю Буа, соединяющей Елисейские поля с Булонским лесом. Марсель впечатляет ее туалет, и он почтительно говорит о бантах на ее блузке, о юбке и о сиреновом зонтике, которые словно сами по себе парили вокруг нее, но за «играми» которых она наблюдала снисходительно. Расстояние между ней и этими деталями ее туалета было настолько «священно», что даже муж и окружающая ее свита молодых людей, несмотря на искушение, не решались его нарушить. В данном случае Марсель оправдывает красоту наряда госпожи Сван тем, что она не относится к миру «обычных» людей, в том числе и таким уничижительным сравнением с ситуацией уважения к лечению больного, которого он должен придерживаться, а также сравнением данной ситуации с признанием за матерью права на воспитание детей. Благодаря же использованию юридических терминов “compétence et juridiction” повествователь шутивно-иронически показывает, что вопрос о наряде госпожи Сван находится в ее исключительной юрисдикции и в ее единоличном ведении.

Coutumier. Существительное “coutumier” «сборник кутюм, свод постановлений обычного права», которое в словаре “Trésor de la langue française” определяется как “recueil des règles de coutume régissant une province, une région, une juridiction, un pays; recueil qui est rédigé à titre privé par un jurisconsulte”, используется М. Прустом в следующем контексте:

<...> L'oncle qu'on attendait s'appelait Palamède, d'un prénom qu'il avait hérité des princes de Sicile, ses ancêtres. Et plus tard quand je retrouvai dans mes lectures historiques, appartenant à tel podestat ou tel prince de l'Église, ce prénom même, belle médaille de la Renaissance – d'aucuns disaient un véritable antique – toujours restée dans la famille, ayant glissé de descendant en descendant depuis le cabinet du Vatican jusqu'à

l'oncle de mon ami, j'éprouvais le plaisir réservé à ceux qui ne pouvant faute d'argent constituer un médailler, une pinacothèque, recherchent les vieux noms (noms de localités, documentaires et pittoresques comme une carte ancienne, une vue cavalière, une enseigne ou un coutumier, noms de baptême où résonne et s'entend, dans les belles finales françaises, le défaut de la langue, l'intonation d'une vulgarité ethnique, la prononciation vicieuse selon lesquels nos ancêtres faisaient subir aux mots latins et saxons des mutilations durables, devenues plus tard les augustes législatrices des grammaires) et en somme grâce à ces collections de sonorités anciennes se donnent à eux-mêmes des concerts, à la façon de ceux qui acquièrent des violes de gambe et des violes d'amour pour jouer de la musique d'autrefois sur des instruments anciens. Saint-Loup me dit que même dans la société aristocratique la plus fermée, son oncle Palamède se distinguait encore comme particulièrement difficile d'accès, dédaigneux, entiché de sa noblesse, formant avec la femme de son frère et quelques autres personnes choisies, ce qu'on appelle le cercle des Phénix <...> (p. 316).

В данном случае имя дяди маркиза де Сен-Лу, Паламед, вызывает в воображении Марселя ассоциации с культурой, обычаями и историей Франции, подобно названиям старинных населенных пунктов, древним картам и вывескам или своду постановлений обычного права. Данное сравнение, с одной стороны, передает восхищение повествователя всем самым древним, далеким от обыденности во всем, с другой – содержит указание на высокомерие аристократии, которая в связи с этим осознает свою «избранность», в отличие от буржуазии, не обладающей древними историческими культурными артефактами и ценностями. Но такая избранность герою Пруста даже нравится, не случайно он подчеркивает, что к менее родовитым аристократам этот обладатель редчайшего имени относился свысока. Контексты показывают, что Марсель тоже в некотором роде претендовал если не на избранность, то на неординарность собственного положения в своем социальном кругу.

Police particulière. На приеме у госпожи Сван госпожа Бонтан, говоря о том, что в новом особняке госпожи Вердюрэн будет электрическое освещение, описывает то, как до нее дошли данные слухи, следующим образом:

<...> À propos de vue, vous a-t-on dit que l'hôtel particulier que vient d'acheter Mme Verdurin sera éclairé à l'électricité? Je ne le tiens pas de ma petite police particulière, mais d'une autre source; c'est l'électricien lui-même, Milde, qui me l'a dit. Vous voyez que je cite mes auteurs! <...> (p. 176).

В данном случае актуализируется значение прилагательного “particulier”, которое в словаре “Trésor de la langue française” определяется как “attaché au service d'une seule personne, à son service particulier”. В этом значении прилагательное “particulier” может сочетаться с такими существительными, как, например, “conseiller”, “médecin”, “secrétaire”. В данном словаре также приводится пример из Стендаля с выражением “police particulière”: “Rapports que M. de Beausobre fera faire sur mon fils par sa police particulière”. В нашем же примере госпожа Бонтан говорит о том, что эти сведения предоставили не те, кому положено по долгу службы в ее доме, т. е. не частные детективы, работающие лично на нее, а она узнала их в некотором роде случайно от электрика. Посредством рассматриваемого сравнения автор передает как особое чувство юмора, так и определенную «напыщенность» речи госпожи Бонтан.

Лексика, относящаяся к отдельным отраслям права Юридическая лексика из области конституционного права

Chambre. Существительное “la Chambre” в значении «палата парламента Франции (Национальное собрание или Сенат)» (в данном случае рассматриваемый термин употребляется метонимически для указания на депутатов, членов палаты парламента) используется М. Прустом в следующем контексте, когда Марсель, мечтая подружиться с маркизом де Сен-Лу, видит, что тот, напротив, ведет себя по отношению к нему и к его бабушке сдержанно, надменно и отстраненно:

Cette insolence que je devinais chez M. de Saint-Loup, et tout ce qu'elle impliquait de dureté naturelle, se trouva vérifiée par son attitude chaque fois qu'il passait à côté de nous, le corps aussi inflexiblement élané, la tête toujours aussi haute, le regard impassible, ce n'est pas assez dire, aussi implacable, dépouillé de ce vague respect qu'on a pour les droits d'autres créatures, même si elles ne connaissent pas votre tante, et qui faisait que je n'étais pas tout à fait le même devant une vieille dame que devant un bec de gaz. Ces manières glacées étaient

aussi loin des lettres charmantes que je l'imaginais encore il y a quelques jours, m'écrivant pour me dire sa sympathie, qu'est loin de l'enthousiasme de la Chambre et du peuple qu'il s'est représenté en train de soulever par un discours inoubliable, la situation médiocre, obscure, de l'imaginatif qui après avoir ainsi rêvassé tout seul, pour son compte, à haute voix, se retrouve, les acclamations imaginaires une fois apaisées, Gros-Jean comme devant. Quand Mme de Villeparisis, sans doute pour tâcher d'effacer la mauvaise impression que nous avaient causée ces dehors révélateurs d'une nature orgueilleuse et méchante, nous reparla de l'inépuisable bonté de son petit-neveu (il était le fils d'une de ses nièces et était un peu plus âgé que moi) j'admirai comme dans le monde, au mépris de toute vérité, on prête des qualités de cœur à ceux qui l'ont si sec, fussent-ils d'ailleurs aimables avec des gens brillants qui font partie de leur milieu. <...> (p. 298).

В рассматриваемом отрывке также употребляется юридический термин «le droit des autres créatures», «права других живых существ», о которых иронически сообщается, что их тоже необходимо соблюдать, даже если они не знакомы с вашей тетей. Здесь также присутствует отсылка к персонажу народного фольклора, «Gros-Jean», а именно к басне Ж. де Ла Фонтена «La laitière et le pot au lait», и, следовательно, описываемая ситуация является неким «конституционным» соответствием «монархической» ситуации, описываемой в морали басни:

Quand je suis seul, je fais au plus brave un défi;
Je m'écarte, je vais détrôner le Sophi;
On m'élit Roi, mon peuple m'aime;
Les diadèmes vont sur ma tête pleurant:
Quelque accident fait-il que je rentre en moi-même;
Je suis gros Jean comme devant
[La Fontaine, 1991. С. 211].

За счет сопоставления описываемой ситуации с положением Перетты автор показывает тщетность желания Марселя подружиться с маркизом де Сен-Лу даже в республиканском обществе. Образ палаты депутатов возникает в тексте, конечно же, преднамеренно, ибо это тот орган, который призван отстаивать идеалы Республики, ее стремление к обеспечению равенства и братства. Однако стилистическими средствами Пруст показывает, что легче воспламенить сердца народных избранников красивыми лозунгами, чем заставить маркиза де Сен-Лу относиться к Марселю как к другу. И Марсель тоже понимает, что в системе социальных отношений де Сен-Лу он не более чем деревенский простак из басни Лафонтена.

Юридическая лексика из области уголовного права

Geôlier, prison. Когда Блох, друг Марселя, рассказывает ему о том, что на самом деле значит его желание обнять девушек, которых он видит на прогулке, и что они сами хотят того же, что и он, жизнь молодого человека становится более яркой, выразительной и начинает играть новыми, неведомыми красками:

<...> Certes Bloch m'avait ouvert une ère nouvelle et avait changé pour moi la valeur de la vie, le jour où il m'avait appris que les rêves que j'avais promenés solitairement du côté de Méséglise quand je souhaisais que passât une paysanne que je prendrais dans mes bras, n'était pas une chimère qui ne correspondait à rien d'extérieur à moi, mais que toutes les filles qu'on rencontrait, villageoises ou demoiselles, étaient toutes prêtes à en exaucer de pareils. *Et dussé-je, maintenant que j'étais souffrant et ne sortais pas seul, ne jamais pouvoir faire l'amour avec elles, j'étais tout de même heureux comme un enfant né dans une prison ou dans un hôpital et qui ayant cru longtemps que l'organisme humain ne peut digérer que du pain sec et des médicaments, a appris tout d'un coup que les pêches, les abricots, le raisin, ne sont pas une simple parure de campagne, mais des aliments délicieux et assimilables. Même si son geôlier ou son garde-malade ne lui permettent pas de cueillir ces beaux fruits, le monde cependant lui paraît meilleur et l'existence plus clémente.* Car un désir nous semble plus beau, nous nous appuyons à lui avec plus de confiance quand nous savons qu'en dehors de nous la réalité s'y conforme, même si pour nous il n'est pas réalisable. <...> (p. 279–280).

В данном отрывке описывается страстное желание Марселя обладать всеми девушками, которых он встречает. Но, поскольку он нездоров и на прогулках его всегда сопровождают, это невозможно. Тем не менее радость Марселя, когда он узнал об этом аспекте жизни, сравнивается со счастьем ребенка, рожденного в тюрьме или в больнице, которого всегда кормят

лишь черствым хлебом и лекарствами, внезапно узнавшим о существовании персиков, абрикосов и винограда. Невозможность реализовать данное желание в действительности сравнивается с образом тюрьмы или больницы и с тюремщиком или санитаром соответственно, но сам факт того, что это потенциально возможно, утешает героя и примиряет его с жизнью.

Voleur. Марсель, описывая, как он накануне Нового года тщетно каждый день ждет письма от Жильберты, которое помирило бы их, приходит к следующему общеполитическому заключению:

<...> Elle [la lettre] ne l'était peut-être pas [probable], mais, pour que nous la croyions telle, le désir, le besoin que nous en avons suffit. *Le soldat est persuadé qu'un certain délai indéfiniment prolongeable lui sera accordé avant qu'il soit tué, le voleur, avant qu'il soit pris, les hommes en général avant qu'ils aient à mourir.* C'est là l'amulette qui préserve les individus – et parfois les peuples – non du danger mais de la peur du danger, en réalité de la croyance au danger, ce qui dans certains cas permet de les braver sans qu'il soit besoin d'être brave. <...> (p. 178).

В данном случае уверенность Марселя в том, что письмо от Жильберты рано или поздно придет, сравнивается с другими ситуациями из повседневной жизни, в том числе с юридической, когда вор, совершив кражу, уверен в том, что у него есть еще много времени «погулять на воле» до того, как его поймут. Также данная уверенность сравнивается с ситуацией на войне, когда солдат уверен, что он погибнет в бою еще не скоро, и с более общей уверенностью всех людей в том, что у них есть еще много времени до смерти. Здесь мы имеем дело с типичным мотивом М. Пруста, когда моделирование воображаемой жизни заменяет реальную жизнь для тех, кто по тем или иным причинам из нее исключен. Данные сравнения с юридической ситуацией и с ситуацией на войне позволяют автору перейти от конкретных случаев к более общему заключению: как избежать страха перед опасностью, перестать внушать себе, что она реальна или серьезна.

Юридическая лексика из области международного права

Chef d'État. Когда Марсель пишет в письмах Жильберте о воображаемой драме, которая будто бы произошла в их отношениях, надеясь, что девушка начнет уточнять, что же случилось, и они смогут объясниться, он обнаруживает в определенный момент, что Жильберта также по умолчанию ссылается на эту воображаемую ситуацию:

<...> Puis Gilberte cessa de s'en tenir à la prétention. *Elle-même adopta mon point de vue; et, comme dans les toasts officiels où le chef d'État qui est reçu reprend à peu près les mêmes expressions dont vient d'user le chef d'État qui le reçoit, chaque fois que j'écrivais à Gilberte: "La vie a pu nous séparer, le souvenir du temps où nous nous connaîmes durera", elle ne manqua pas de répondre: "La vie a pu nous séparer, elle ne pourra nous faire oublier les bonnes heures qui nous seront toujours chères" (nous aurions été bien embarrassés de dire pourquoi "la vie" nous avait séparés, quel changement s'était produit).* Je ne souffrais plus trop. <...> (p. 202).

В Юридическом словаре Ж. Корню выражение “chef d'État” определяется как “terme d'origine doctrinale, parfois repris dans le droit positif, désignant une autorité, individu ou (plus rarement) collège dont l'intervention dans la procédure d'élaboration des actes juridiques les plus importants relevant surtout du pouvoir exécutif ou la présence à certaines cérémonies marquent de manière symbolique que c'est à l'État qu'il convient d'imputer ces conduites; cette autorité est alors dite “personnifier” ou “représenter” l'État”; elle peut, selon les régimes, disposer de pouvoirs politiques réels et importants ou réduits” [Cornu, 2016. P. 169–170]. Рассматриваемая ситуация сравнивается с ситуацией из области международного права, когда на официальных приемах глава государства, которого принимает другой глава государства, при произнесении тостов повторяет выражения последнего. Данная аналогия передает лицемерную суть официальных уверений в любви и дружбе между государствами, то же относится и к переписке Марселя с Жильбертой. Марсель вполне отдаст себе отчет, что он играет в любовь, т. е. поступает подобно тем главам государств, которые уверяют друг друга во взаимной «любви и дружбе» просто потому, что этого требует язык дипломатии. Аналогия с главами государств является

для Пруста убедительным и доходчивым аргументом в анализе виртуальных межличностных отношений по переписке.

Exterritorialité. Существительное “exterritorialité” «экстерриториальность», определяемое в Юридическом словаре Ж. Корню как “fiction (qui servait jadis de fondement aux privilèges et immunités diplomatiques, aujourd’hui pratiquement abandonnée) en vertu de laquelle les agents diplomatiques régulièrement accrédités auprès d’un État étranger étaient censés n’avoir jamais quitté leur territoire national (exterritorialité fictive) et suivant laquelle l’ambassade était elle-même considérée comme une portion de territoire national (exterritorialité réelle)” [Cornu, 2016. P. 443], употреблено М. Прустом в рамках развернутой метафоры, в которой фигурирует и выражение “ambassade pavoisée aux couleurs du pays dont elle dépend” в следующем далее отрывке из начала второй части второго тома романа при описании приезда Марселя с бабушкой на морской курорт Бальбек:

Dès lors, ayant placé entre elle d’une part, le personnel de l’hôtel et les fournisseurs de l’autre, ses domestiques qui recevaient à sa place le contact de cette humanité nouvelle et entretenaient autour de leur maîtresse l’atmosphère accoutumée, ayant mis ses préjugés entre elle et les baigneurs, insoucieuse de déplaire à des gens que ses amis n’auraient pas reçus, c’est dans son monde qu’elle continuait à vivre par la correspondance avec ses amies, par le souvenir, par la conscience intime qu’elle aurait de sa situation, de la qualité de ses manières, de la compétence de sa politesse. *Et tous les jours, quand elle descendait pour aller dans sa calèche faire une promenade, sa femme de chambre qui portait ses affaires derrière elle, son valet de pied qui la devançait semblaient comme ces sentinelles qui, aux portes d’une ambassade pavoisée aux couleurs du pays dont elle dépend, garantissent pour elle, au milieu d’un sol étranger, le privilège de son exterritorialité.* Elle ne quitta pas sa chambre avant le milieu de l’après-midi, le jour de notre arrivée, et nous ne l’aperçûmes pas dans la salle à manger où le directeur, comme nous étions nouveaux venus, comme un gradé qui mène des bleus chez le caporal tailleur pour les faire habiller; mais nous y vîmes, en revanche, au bout d’un instant un hobereau et sa fille, d’une obscure mais très ancienne famille de Bretagne, M. et Mlle de Stermaria, dont on nous avait fait donner la table, croyant qu’ils ne rentreraient que le soir. <...> (p. 246–247).

В данном отрывке описывается знатная дама, приехавшая отдохнуть на морской курорт, но не желающая при этом знакомиться со своими соседями по отелю. Она продолжает переписываться с подругами, а ее слуги создают между ней и другими отдыхающими надежную преграду. Каждый раз, когда она совершает прогулку в коляске, следующая за ней с ее вещами горничная и идущий впереди нее выездной лакей сравниваются Марселем с часовыми перед посольством той или иной страны, которые обеспечивают его экстерриториальность. Согласно принципу экстерриториальности, считается, что дипломаты никогда не должны покидать территорию своей страны, и потому само ее посольство считается частью территории той страны, откуда оно прибыло. Так же и эта знатная дама привозит с собой на место отдыха привычки своей аристократической среды, свой круг общения и свой образ жизни, не совместимый с обычной, «мирской». Данное сравнение независимости знатной дамы с экстерриториальностью дипломатических представителей снова вводит идею о том, что искусственные формы жизни, к каковым можно отнести существование утасяющей французской аристократии в условиях республиканского строя, реальнее и важнее настоящих.

Юридическая лексика из области финансового права

Livre de comptes, avance, solde créditeur, débit. Отношения на курорте бабушки Марселя с ее давней знакомой, госпожой де Вильпаризи, дамой знатного происхождения, описываются в терминах из области финансового права и бухгалтерского учета, ассоциирующихся скорее с миром буржуазии, а не аристократии, которая часто тратит деньги, не считая. Таковыми терминами, как “livre de comptes” («бухгалтерская книга»), “avance” («аванс»), “solde créditeur” («кредитовое сальдо») и “débit” («дебет счета»), Пруст рисует образ крайне меркантильного поведения в сфере социальных, формально дружеских отношений, которая к бухгалтерскому учету никакого отношения не имеет:

C’est qu’en effet dans ces moments-là elle n’était pas naturelle, elle se souvenait de son éducation, des façons aristocratiques avec lesquelles une grande dame doit montrer à des bourgeois qu’elle est heureuse de se trouver

avec eux, qu'elle est sans morgue. *Et le seul manque de véritable politesse qu'il y eût en elle était dans l'excès de ses politesses; car on y reconnaissait ce pli professionnel d'une dame du faubourg Saint-Germain, laquelle, voyant toujours dans certains bourgeois les mécontents qu'elle est destinée à faire certains jours, profite avidement de toutes les occasions où il lui est possible, dans le livre de comptes de son amabilité avec eux, de prendre l'avance d'un solde créditeur, qui lui permettra prochainement d'inscrire à son débit le dîner ou le raout où elle ne les invitera pas.* Ainsi, ayant agi jadis sur elle une fois pour toutes, et ignorant que maintenant les circonstances étaient autres, les personnes différentes, et qu'à Paris elle souhaiterait de nous voir chez elle souvent, le génie de sa caste poussait avec une ardeur fiévreuse Mme de Villeparisis et comme si le temps qui lui était concédé pour être aimable était court, à multiplier avec nous, pendant que nous étions à Balbec, les envois de roses et de melons, les prêts de livres, les promenades en voiture et les effusions verbales. <...> (p. 291–292).

В данном случае отношения, которые госпожа де Вильпаризи поддерживает на курорте со своей знакомой буржуазного происхождения, бабушкой Марселя, описываются, как в бухгалтерской книге, в которой подробно отражены все приходно-расходные операции ее контактов, услуг и любезностей, оказанных простой французской гражданке. Госпожа де Вильпаризи может себе позволить быть с ней любезной на отдыхе (посылать дыни, розы, давать почитать книги, совершать прогулки с ней и с ее внуком в коляске), и, следовательно, могла отчасти выйти за рамки сословных приличий. Автор проницательно подчеркивает, что это был не знак человеческого расположения, уважения или симпатии, а лихорадочное проявление «духа ее касты», ибо знатная дама (*une grande dame*) обязана демонстрировать простым буржуа, что она счастлива находиться среди них. Однако в таком сравнении с бухгалтерской книгой личные отношения между двумя женщинами представлены Марселем саркастически. Он понимает, что г-жа де Вильпаризи исполняет некий долг, и даже обвиняет ее в отсутствии «истинной вежливости». Более того, бесспорное подтверждение этого заключения он усматривает как раз в том, что она «переборщила» с проявлениями вежливости.

Заключение

Итак, основной вывод, который можно сделать на основании представленного материала, состоит в том, что стилистическое использование М. Прустом юридической лексики – как общей, так и относящейся к отдельным отраслям права (уголовного, конституционного, международного, финансового), имеет две главные цели.

1. Показать, при этом часто в ироничном и иногда несколько комичном свете, морально-правовую «экстерриториальность» мира аристократов, сословную непрозрачность их привычек для представителей буржуазии.

За счет употребления метафор и сравнений на основе юридической лексики М. Пруст создает как образ аристократии в начале ее заката (маркиз де Сен-Лу, его дядя Паламед, знатная дама на курорте в Бальбеке, госпожа де Вильпаризи), так и образ «поднимающейся» буржуазии (госпожа Сван и ее дочь Жильберта, госпожа Вердюрэн, сам Марсель). Отношение повествователя к аристократии в рассматриваемых примерах скорее негативное (посредством различных правовых метафор неоднократно подчеркивается закрытость их мира), хотя он и восхищается различными историческими ценностями, которыми некоторые из них обладают, например, Паламед, дядя маркиза де Сен-Лу. В том, что касается буржуазии, отношение повествователя к ней, на наш взгляд, скорее сдержанное, завуалированное, например, в случае с «бантиками и рюшечками» госпожи Сван.

2. Вместе с тем на фоне образа жизни этого сословия возникает и тема разрыва между реальностью социальных или личных взаимоотношений и представлений о них. В некоторых случаях он придает видимость реальности тому, что может существовать и существует только в тексте, в переписке. Можно даже говорить об инвертированности в сознании героя виртуального и реального мира, о первичности для автора мира воображаемого, поскольку самые «обычные» ситуации из повседневной жизни описываются посредством довольно сложных развернутых метафор, в том числе и юридических, фиксирующих скорее жизнь такой, какой она должна быть, а не в ее реальной прагматике.

Важно отметить и комплексность прустовской стилистики. Сравнения и метафоры, созданные на основе юридической лексики, почти всегда сочетаются с другими фигурами, заимствованными из области искусства, медицины и военной сферы. Это значит, что в юридической лексике он стремится выявить не специальную семантику, а художественно-эстетический потенциал. Благодаря использованию всех этих фигур М. Прусту удается добиться яркой экспрессии своего художественного текста и создать особый художественный мир.

Список литературы / References

- Безуглова О. А., Кузнецова А. А.** Юридическая лексика на занятиях по английскому языку в языковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 1. С. 177–179.
- Bezuglova, O. A., Kuznetsova, A. A.** Legal Vocabulary in the Classes of English at a Linguistic Institution of Higher Education. *Philological Sciences. Theory and Method*, 2016, no. 4 (58), 1st part, p. 177–179. (in Russ.)
- Белоконов Н. В.** Юридическая терминология как средство развития правосознания и воспитания правовой культуры в процессе подготовки правоведов // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 115–118.
- Belokon, N. V.** Legal Terminology as a Means of Development of Legal Conscience and of Training of Legal Culture in the Process of the Preparation of the Lawyers. *Legal Technics*, 2009, no. 3, p. 115–118. (in Russ.)
- Грешных В. И.** Марсель Пруст: «на пороге форм и времен» // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 165–177.
- Greshnykh, V. I.** Marcel Proust: “on the Threshold of Forms and Eras”. *Baltic Philological Courier*, 2003, no. 3, p. 165–177. (in Russ.)
- Николаева Т. М.** О чем на самом деле написал Марсель Пруст? М.: Языки славянской культуры, 2012. 128 с.
- Nikolaeva, T. M.** What Marcel Proust Has Really Written about? Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2012, 128 p. (in Russ.)
- Татаринов В. А.** Методология научного перевода: к основаниям теории конвертации. М.: Московский лицей, 2007. 383 с.
- Tatarinov, V. A.** Methodology of Scientific Translation: to the Basics of the Theory of Conversion. Moscow, Moscow Lyceum Publ., 2007, 383 p. (in Russ.)
- Тимошенко И. В.** Юридическая терминология как учебная дисциплина инновационного типа: постановка проблемы // Изв. Южного федерального университета. Технические науки. 2009. № 3. С. 212–216.
- Timoshenko, I. V.** Legal Terminology as an Innovation Type of Academic Branch of Learning: the Formulation of Problem. *South Federal University Bulletin. Technical Sciences*, 2009, no. 3, p. 212–216. (in Russ.)
- Трыков В. П.** Марсель Пруст: отношение к России // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust_Russia/ (дата обращения 09.11.2018).
- Trykov, V. P.** Marcel Proust: his Attitude to Russia. *Knowledge. Understanding. Skills*, 2008, no. 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust_Russia/ (accessed 09.11.2018). (in Russ.)
- Шокиров Т.** Юридическая терминология в современном таджикском языке // Учен. зап. Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2010. № 4 (24). С. 156–164.

- Shokirov, T.** Legal Terminology in Modern Tadjik Language. *Scientific Notes of Khujand State University named after B. G. Gafurov. Series of Humanities and Social Sciences*, 2010, no. 4 (24), p. 156–164. (in Russ.)
- Cornu, G.** Linguistique juridique. Paris, Montchrestien, 2005, 443 p.
- Durand, J.** Les formes de la communication. Paris, Dunod, 1981, 215 p.
- Frédéric, M.** La répétition: étude linguistique et rhétorique. Tübingen, Max Niemeyer, 1985, 283 p.
- Gerstenkorn, J.** La métaphore au cinéma: les figures d'analogie dans les films de fiction. Paris, Méridiens-Klincksieck, 1995, 205 p.
- Grange, C.** Les alliances de l'aristocratie avec les familles de financiers juifs à Paris, 1840–1940 : déterminants socio-démographiques et débat religieux. *Histoire, économie et société*, 2014, no. 4, p. 75–93.
- Molinié, G.** Dictionnaire de rhétorique. Paris, Le Livre de Poche, 1992, 352 p.
- Molinié, G.** Éléments de stylistique française. Paris, PUF, 2005, 213 p.

Список словарей / List of Dictionaries

- Гак В. Г., Ганшина К. А.** Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. 1195 с.
- Gak, V. G., Ganshina, K. A.** New French-Russian Dictionary. Moscow, Russian Language Publ., 2002, 1195 p. (in Russ.)
- Мачковский Г. И.** Французско-русский юридический словарь. М.: Руссо, 2004. 440 с.
- Machkovskij, G. I.** French-Russian Legal Dictionary. Moscow, Russo Publ., 2004, 440 p. (in Russ.)
- Cornu, G.** Vocabulaire juridique. Paris, PUF, 2016, 1089 p.
- Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, Dictionnaires Le Robert, 1994, 2467 p.
- Le Trésor de la langue française. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 21.12.2018).

Список источников / List of Sources

- La Fontaine, J.** Fables. Paris, Éditions Gallimard, 1991, 582 p.
- Proust, M.** À l'ombre des jeunes filles en fleurs. Paris, Éditions Gallimard, 1988, 568 p.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
14.02.2019

Сведения об авторе / Information about the author

- Савина Елена Сергеевна**, кандидат филологических наук, PhD университета Париж-Сорбонна (Париж-IV), доцент кафедры иностранных языков юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Ленинские Горы, д. 1, стр. 13, Москва, 119991, ГСП-1, Россия)
- Elena S. Savina**, Cand. of Sci. (Philology), PhD of Paris-Sorbonne (Paris-IV) University, Associate Professor of the Foreign Languages Department at Lomonosov Moscow State University (1/13 Leninskie Gory, Moscow, 119991, GSP-1, Russian Federation)
- savinaelena2006@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4301-5638